
АЛЁНА ЭВЕРДИН
сборник страшных рассказов
ЗОВ С ТОЙ СТОРОНЫ

Алёна Эвердин

Зов с той стороны

«Автор»
2026

Эвердин А.

Зов с той стороны / А. Эвердин — «Автор», 2026

Тишина обманчива. Иногда в ней слышен зов. Иногда – шаги. Иногда – собственное имя, произнесённое теми, кого давно нет.В этом сборнике привычная реальность трещит по швам. За каждым углом, в каждом отражении, в каждом воспоминании прячется нечто, чему нет названия.Герои этих историй встречаются с неупокоенными, сходят с ума, заглядывают в бездну. А бездна заглядывает в ответ.Но самое страшное случается не тогда, когда тьма приходит извне – а тогда, когда она откликается изнутри.Вы готовы услышать зов с той стороны?

© Эвердин А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Лаврушечка 5
Лес помнит 11
Б 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Алёна Эвердин
Зов с той стороны

Лаврушечка

Если бы мне тогда сказали, чем всё обернётся, я бы рассмеялся в лицо. Серьёзно. Вот так бы взял и рассмеялся, хлопнул бы говорившего по плечу и сказал что-нибудь вроде: «Слышишь, экстрасенс, давай без этих твоих штучек». Потому что ничем таким там и не пахло. Вообще.

Август в тот год выдался жарким, душным, как в парной. Город плавился под солнцем, асфальт становился мягким, а кондиционеров у студентов, сами понимаете, отродясь не водилось. Поэтому, когда Димон предложил рвануть на озеро с ночёвкой, идею приняли на ура. Я, моя Лена, Димон с Анькой — мы дружили уже года два, с первого курса, и такие вылазки были для нас привычным делом. Шашлыки, купание, гитара, ночные разговоры у костра — что ещё нужно в двадцать два года?

Серёга Комаров напросился сам. Он подошёл ко мне после пар, когда мы обсуждали детали в курилке, и сказал с этой своей вечной неуверенной улыбкой:

— Слышь, Сань, а можно с вами? Я палатку свою возьму, продукты, всё что надо. Я не помешаю.

Он переминался с ноги на ногу и смотрел с такой надеждой, что отказать было невозможно. Да и чего отказывать-то? Парень он был неплохой — тихий, немного неуклюжий, вечно со своими дурацкими шутками, над которыми смеялся громче всех. Мы с Димоном переглянулись и пожали плечами.

— Да без проблем. Места полно. В «Ниву» влезем.

Серёга просиял. Он вообще был из тех людей, которые радуются мелочам, — может, поэтому с ним было легко.

Выехали в пятницу утром. Забили машину под завязку: три палатки, спальники, котелок, мангал, пакеты с едой, ящик пива и ещё какая-то мелочёвка, без которой, как известно, ни один поход не обходится. Димон сидел за рулём и орал песни «Сектора Газа», Анька щёлкала семечки и подпевала, мы с Леной прижимались друг к другу на заднем сиденье, а Серёгу зажали где-то с краю, но он, кажется, был совершенно счастлив.

— Пацаны, я вам такой котелок покажу, закачаетесь! — кричал он сквозь грохот музыки. — Настоящий армейский, дедовский. В нём любая еда — как в ресторане.

— Серёг, ты хоть раз в ресторане-то был? — ржал Димон.

— Был! Один раз! Макароны по-флотски, сто рублей!

Мы грохнули смехом. Я тогда подумал: хороший парень. Свой.

Последние километры до озера шли по разбитой грунтовке — «Нива» кряхтела, подпрыгивала на ухабах, но справлялась. А когда деревья расступились и показалась вода, мы все на секунду замолчали. Озеро было красивое, зараза. Круглое, как блюдце, окружённое плотной стеной сосен, с тёмной, почти чёрной водой, в которой отражалось предвечернее небо. На дальнем берегу торчали из воды коряги — старые, замшелые, похожие на скрюченные пальцы.

— Красота-то какая, — выдохнула Лена.

— Я ж говорил, — гордо сказал Димон, заглушая двигатель. — Место бомба. И людей никого.

Лагерь разбили быстро, сноровисто — всё-таки не первый раз. Палатки поставили полукругом у кромки леса, метрах в двадцати от воды. Моя с Леной — слева, Димонова с Анькой — справа, Серёгина — посередине, чуть ближе к деревьям. Натаскали дров для костра, нашли

здоровое бревно, прикатили его к огню вместо скамейки. Анька с Леной накрыли импровизированный стол из перевёрнутого ящика. Серёга, как и обещал, священнодействовал с котелком.

— Щас, щас, — бормотал он, колдуя над каким-то супом из тушёнки и круп. — Секретный ингредиент добавлю. Лаврушечку.

— Лаврушечка — это прям секретный ингредиент? — улыбнулась Анька.

— Ты не понимаешь. Лаврушечка меняет всё.

Вечер удался на славу. Мы наелись, напились пива, разожгли костёр по-настоящему — пламя поднималось выше головы, искры летели в тёмное небо, смешиваясь там со звёздами. Димон притащил гитару, и мы пели хором всё подряд: «Би-2», «Чайф», «Кино», какие-то дурацкие песни из студенческих походов. Серёга подпевал громко и фальшиво, но с таким энтузиазмом, что никто не жаловался. Лена сидела у меня на коленях, тёплая и счастливая, и я чувствовал запах её волос, смешанный с дымом костра.

— Завтра с утра купаться пойдём, — сказал Димон, откладывая гитару. — Вода, говорят, тёплая.

— А ночью слабо? — подначил Серёга.

— Ночью сам купайся. А я спать хочу.

К полуночи начало сказываться пиво и долгая дорога. Разговоры становились всё более вялыми, шутки — всё более сонными. Анька первая зевнула и потянулась.

— Всё, мальчики, я в отключку. Спокойной ночи.

— Спокойной, — отозвались мы хором.

Мы с Леной тоже засобирались. Я залил костёр водой из канистры — угли зашипели, в небо поднялось облачко пара. Серёга остался сидеть на бревне, глядя на догорающие угли.

— Ты как, Серёг? — спросил я.

— А? — Он вздрогнул, будто очнулся. — Да нормально. Посижу ещё немного. Воздух хороший.

— Ну давай. Спокойной ночи.

— Ага. И вам.

Мы залезли в палатку, забрались в спальники. Лена почти сразу засопела, прижавшись к моему боку, а я ещё полежал немного, глядя на тусклый свет луны, пробивающийся сквозь ткань, и думая о том, какой всё-таки хороший день. Вот так бы и жить — просто, легко, без всяких проблем. С этой мыслью я и заснул.

Проснулся я от шагов.

Сначала, спросонья, мне показалось, что это кто-то из наших вышел до ветра. Я перевернулся на другой бок, намереваясь снова провалиться в сон, но тут до меня дошло — шаги были странные. Они не удалялись и не приближались. Они ходили по кругу. Хлюп-хлюп-хлюп — тяжёлые, влажные, будто кто-то босыми ногами месил мокрую землю.

Я приподнялся на локте. Лена заворочалась рядом.

— Сань? — прошептала она. — Что это?

— Не знаю. Лежи.

Шаги обогнули нашу палатку и двинулись к центру лагеря. Я слышал их совершенно отчётливо — в двух-трёх метрах от нас, за тонкой стенкой тента. Хлюп. Хлюп. Хлюп. Медленно. Размеренно.

— Эй! — раздался голос Димона из соседней палатки. — Кто там шляется? Серёга, ты, что ли?

Шаги остановились.

Тишина. Я затаил дыхание. Лена вцепилась в мою руку.

— Серёга! — снова крикнул Димон, уже с ноткой раздражения. — Хорош пугать, блин!

Молчание. Прошло секунд десять, пятнадцать. Потом снова — хлюп, хлюп, хлюп. Только теперь шаги удалялись, уходили в сторону леса, затухали.

— Да ё-моё, — послышалось из Димоновой палатки. Звук расстёгиваемой молнии. — Ну я сейчас посмотрю, кто тут у нас шутник.

— Дим, не ходи! — пискнула Анька.

Но он уже вылез. Я услышал его шаги — нормальные, человеческие, — потом щелчок фонарика. Свет заметался по поляне, проникая сквозь ткань нашей палатки.

— Никого, — сказал Димон. Голос у него был уже не раздражённый, а какой-то растерянный. — Сань, слышишь? Тут никого.

Я тоже вылез наружу. Трава была мокрой от росы, ночной воздух холодил кожу. Димон стоял у кострища с фонариком и вертел головой по сторонам. Я подошёл к нему.

— Может, показалось? — спросил я.

— Ага, показалось. Мы что, оба одновременно глюканули?

Мы обошли лагерь, посветили в лес — ничего. Обычный сосновый лес, тихий и неподвижный. Даже ветра не было. Только где-то далеко ухала сова.

— Животное какое-нибудь, — сказал я. — Лось, может.

— Лось? — Димон хмыкнул. — Ага, лось на двух ногах и босиком.

Из Серёгиной палатки не доносилось ни звука.

— Может, Серёга и правда решил нас разыграть? — предположил я. — Оббежал вокруг и спрятался.

— Серёга? — Димон фыркнул. — Не похоже на него. Но давай проверим.

Он подошёл к Серёгиной палатке и постучал пальцем по тенту.

— Эй, Комаров! Ты живой там?

Тишина.

— Серёга!

Молчание. Димон нахмурился и взялся за молнию.

— Серёг, я открываю. Если ты там голый — сам виноват.

Он рванул молнию вверх. Из палатки пахнуло теплом и чем-то сладковатым. Димон посветил внутрь и замер.

— Ну что там? — спросил я. — Спит?

Димон медленно повернулся ко мне. Лицо у него было странное, застывшее.

— Сань, — сказал он каким-то деревянным голосом. — Посмотри.

Я подошёл и заглянул внутрь.

Сначала я не понял, что вижу. Мозг отказывался складывать картинку во что-то осмысленное. Спальный мешок. Подушка. Тент. Всё тёмное, влажное, блестящее в луче фонарика. И запах. Сладкий, медный, тяжёлый запах, от которого желудок сжался в комок.

Кровь. Везде кровь. Она пропитала спальник, подушку, пол палатки. Она была ещё свежей, почти не свернувшейся. Но тела не было. Совсем. Только эта чёрная в свете фонарика лужа, растёкшаяся по всему дну.

— Где он? — прошептал я.

Димон не ответил. Он стоял, опустив фонарик, и тяжело дышал. Из наших палаток уже вылезли Лена с Анькой, подошли ближе, заглянули — и тут же отшатнулись. Анька вскрикнула и зажала рот рукой.

— Что это? — голос Лены дрожал. — Сань, что это такое?

— Я не знаю. — Я сам едва узнал собственный голос. — Не знаю.

Мы стояли вчетвером над этой палаткой, над этой лужей крови, и молчали. Где-то далеко, на том берегу озера, закричала птица — резко, пронзительно, будто смеялась.

Дальнейшее помнится урывками. Как мы орали его имя, пока не охрипли. Как бегали по лесу, раздвигая кусты, спотыкаясь о корни. Как Димон, матерясь, пытался поймать связь на

телефоне, подняв его над головой. Как потом приехала полиция — два усталых мужика, которые смотрели на нас с усталым же недоверием. Как нас допрашивали, записывали показания, как мы повторяли одно и то же — «шаги, никого, кровь, пропал» — и видели, что нам не верят.

Кровь взяли на анализ. Результаты пришли через неделю — человеческая, группа совпадает с Серёгиной. Но тела нет. И улик нет. И свидетелей нет — только мы четверо. Дело завели и закрыли через полгода за отсутствием состава. «Пропал без вести при невыясненных обстоятельствах» — так это называется на казённом языке.

Серёгу Комарова больше никто никогда не видел.

Мы пытались жить дальше. Димон и Анька расстались через год — не смогли. Слишком много тяжёлого между ними повисло, слишком часто они смотрели друг на друга и видели не любимого человека, а ту палатку и ту кровь. Мы с Леной удержались. Может, потому что любили друг друга сильнее. Может, потому что нам было за что держаться — боль общая, рана общая, как-то легче вдвоём её носить.

Прошло тринадцать лет. Тринадцать — число, в которое я никогда не верил, считал бабкиными сказками, но теперь, оглядываясь назад, понимаю: в этом что-то есть. Тринадцать лет — и что-то меняется. Что-то заканчивается. Или начинается.

У нас с Леной всё сложилось. Квартира, работа, двое детей — старшему уже десять, младшей семь. Обычная взрослая жизнь со своими радостями и заботами. О том случае мы почти не говорили, разве что иногда, в бессонные ночи, я ловил её взгляд и понимал: она тоже помнит. Помнит шаги. Помнит кровь. Помнит Серёгину дурацкую улыбку и то, как он добавлял свой «секретный ингредиент» — лаврушечку.

Этим летом я предложил поехать на озеро.

Мысль эта появилась у меня давно, года два назад, но я откладывал, гнал её от себя. Пока однажды не проснулся среди ночи с чётким, ясным ощущением — надо. Так надо.

Лена выслушала меня молча. Я видел, как пробежала тень по её лицу, как дрогнули губы. Но она сказала:

— Хорошо.

И всё. Одно слово. Но в этом «хорошо» было столько всего — и страх, и решимость, и, наверное, та же потребность, что мучила меня. Потребность вернуться. Закрыть. Понять.

Детей оставили у тёщи. Сказали — едем отдохнуть вдвоём. И поехали.

Дорога почти не изменилась. Та же разбитая грунтовка, те же сосны, тот же поворот. Только «Нивы» уже нет — мы на своей старенькой «Камри», которая кряхтела на ухабах, но ползла. Я вёл машину и молчал. Лена сидела рядом и тоже молчала.

Поляна изменилась меньше, чем я ожидал. Сосны стали выше, трава — гуще, бревно, которое мы когда-то притащили для сидения, совсем сгнило, но лежало на том же месте. Я заглушил двигатель, и мы вышли.

Тишина. Такая же густая, плотная, как тогда. Озеро блестело на солнце, коряги на том берегу всё так же торчали из воды — может, чуть больше замшели. Мы поставили палатку. Одну на двоих. На том самом месте, где когда-то стояла Серёгина. Я сделал это намеренно, хотя Лене не сказал.

Вечером развели костёр. Сидели, пили чай из термоса, вспоминали.

— Помнишь, как он про лаврушечку говорил? — спросила Лена.

— Помню.

— Хороший парень был.

— Был.

— Сань, — она помолчала. — Как думаешь, что с ним случилось?

— Не знаю. Никто не знает.

Больше мы эту тему не поднимали. Залезли в палатку, легли. Лена быстро уснула — сказалась дорога. А я лежал и слушал. Сам не знаю, чего я ждал. Что озеро даст ответ? Что прошлое вернётся и всё объяснит?

Я почти заснул, когда услышал это.

Шаги.

Хлюп-хлюп-хлюп — влажные, тяжёлые, босые шаги по траве. Они шли от леса, так же как тогда, так же медленно и размеренно. Я замер. Сердце заколотилось так, что, казалось, его слышно на всю поляну. Лена проснулась — я почувствовал, как её пальцы вцепились в мою руку, холодные, дрожащие.

— Саня, — прошептала она. — Опять.

— Тихо.

Шаги приближались. Вот они обогнули палатку слева. Вот остановились — прямо у входа, в полуметре от нас, за тонкой нейлоновой стенкой. Я слышал дыхание. Влажное, тяжёлое, с каким-то присвистом. Оно стояло там и, кажется, принюхивалось.

Лена дрожала всем телом. Я обнял её, прижал к себе. Мы лежали не шевелясь, боясь даже дышать. Я не знаю, сколько это длилось — может, минуту, может, десять. Время перестало существовать. Был только этот звук, этот запах — сладковатый, озёрный, — и ужас, который невозможно описать словами.

Потом шаги возобновились. Медленно, нехотя, они начали удаляться — туда, к лесу. Хлюп… хлюп… хлюп… — и тишина. Только сердце колотится где-то в горле.

Мы не выходили до рассвета. Просто лежали, обнявшись, и смотрели, как светлеет ткань палатки.

Утром, когда солнце встало и мир снова стал нормальным, мы выбрались наружу. Птицы пели. Вода блестела. Всё было как обычно.

Кроме одного.

На старом гнилом бревне у края поляны лежала футболка.

Она была аккуратно сложена — не скомкана, не брошена, а именно сложена, заботливо, словно руками заботливой хозяйки. Старая, выцветшая, с логотипом какой-то давно забытой рок-группы. Та самая футболка, которую Серёга носил в наш последний поход. Я узнал её сразу. Такие вещи не забываются.

Мы подошли ближе. Я наклонился, поднял её. Ткань была влажной. Пахла озером — сладковато и немного гнилью. Никаких пятен, никаких следов крови — только чистая, почти новая, будто её только вчера достали из шкафа. Но я знал, что она пролежала здесь тринадцать лет.

Лена смотрела на футболку, не отрываясь. Потом подняла глаза на меня.

— Сань, — сказала она тихо. — Поехали домой.

Я кивнул. Мы собрали вещи за пятнадцать минут — рекордная скорость. Я сунул футболку в пакет, не понимая зачем, но выбросить не мог. Что-то не давало. Какая-то странная, липкая уверенность, что её нельзя здесь оставлять. Или наоборот — нужно.

Мы уже шли к машине, когда я услышал это.

— Са-а-ань…

Голос. Тихий, слабый, доносящийся откуда-то из леса. Из глубины, из-за деревьев, с той стороны, где когда-то стояла Серёгина палатка.

Я замер.

— Са-а-ань… — снова позвал голос. — Са-а-ань…

Он был человеческий. И нечеловеческий одновременно. Слишком знакомый, слишком правильный. Так меня звал только один человек. Так растягивал гласные, так чуть завышал конец. Серёга.

— Ты слышишь? — прошептала Лена. Лицо у неё стало белым как мел.

Я слышал.

— Са-а-ань… — голос стал громче. Ближе. — Са-а-ань, подожди…

Я сделал шаг в сторону леса. Потом ещё один.

— Саня, нет! — Лена схватила меня за руку, рванула назад. — Не ходи!

Голос замолчал. Резко, как обрезали. Только лес шумел, да озеро тихо плескалось о берег.

Мы уехали. Почти бежали, не оборачиваясь, хотя оба знали — что-то стоит на берегу и смотрит нам вслед.

Сейчас Серёгина футболка лежит в шкафу, на нижней полке. Я не выбросил её. Пытался — рука не поднялась. Она всё ещё влажная, сколько бы ни лежала. И каждую ночь, примерно в одно и то же время, я просыпаюсь и слышу шаги за окном.

Лена тоже слышит. Мы не говорим об этом. Лежим в темноте и слушаем. Хлюп-хлюп-хлюп.

И голос. Теперь я слышу голос не только на озере. Он звучит всё чаще, всё ближе.

— Са-а-ань…

Он зовёт. Ждёт. И я знаю, что когда-нибудь пойду на этот зов. Потому что любопытство сильнее страха. Потому что я хочу знать.

Потому что озеро помнит. Озеро не отпускает.

И где-то там, на заросшей поляне, у чёрной воды, до сих пор стоит Серёга Комаров — босой, в одних спортивных штанах, — и улыбается своей дурацкой улыбкой. И ждёт, когда мы вернёмся. Все вчетвером. Или хотя бы я один.

Я обязательно вернусь. Скоро.

Лес помнит

В городе лето чувствуешь только по духоте в маршрутке и расплавленному асфальту. А в деревне оно наваливается сразу, всей своей мощью — запахом, звуком, густотой воздуха. Я приезжал к бабушке каждое лето, сколько себя помню, и каждый раз первые пару дней ходил одуревший: голова кружилась от кислорода, от пряного настоя трав, от звона комаров над ухом.

Бабушкина деревня — это три улицы, два десятка домов и бескрайние поля вокруг. Глухомань. Дальше только лес. Огромный, дремучий, настоящий — не то что городские лесопарки с асфальтовыми дорожками. Здесь тропинки зарастали за одно лето, а грибные места, которые все знали, на следующее лето вдруг исчезали, будто лес переставлял свои декорации по собственному усмотрению. Местные лес уважали. Без нужды в глубину не ходили. Но я тогда, в свои пятнадцать, этого ещё не понимал.

Бабушка у меня была совсем деревенская — маленькая, сухонькая, с морщинистыми руками, которые пахли землёй и парным молоком. Говорила она мало, но каждое слово весило как камень. И когда она увидела, что я собираюсь в лес со старой плетёной корзиной, то сказала только:

— Далеко не ходи, Костик.

— Да ладно, ба, — отмахнулся я. — Я с пацанами. Всё нормально будет.

— Не ходи далеко, — повторила она и перекрестила меня. Я тогда только хмыкнул. Подумаешь — суеверия.

А день был — сказка. Солнце стояло в зените, жарило так, что воздух дрожал над землёй, и всё вокруг звенело, стрекотало, дышало летом. Я выскочил из дома босиком, побежал через пыльную улицу к дому Лёхи. Лёха Круглов — мой лучший друг на всё лето. Рыжий, конопатый, вечно с ободранными коленками и с улыбкой до ушей. У него велосипед был, старенький «Урал», на котором мы по очереди гоняли по деревенским дорогам.

— Костян! — заорал он, завидев меня. — Ты чего так долго? Мы тебя уже час ждём!

— Бабка блинами кормила, не отвертишься, — соврал я. На самом деле проспал.

Рядом с Лёхой стояли ещё двое. Пашка — здоровяк, выше нас всех на голову, с вечно серьёзным лицом, как у взрослого мужика. И Алиса.

Алиса была единственной девчонкой в нашей компании, и это многое объясняло. Мы все трое были немного в неё влюблены, хотя никто не признавался. Она жила в соседней деревне, но всё лето проводила у тётки. Смуглая, с тёмными волосами, заплетёнными в две тугие косички, с острыми коленками и смешливыми глазами. Когда она улыбалась, хотелось сделать что-нибудь героическое. Хоть на медведя с голыми руками.

— Привет, Костик, — улыбнулась она. — Мы за малиной собираемся. Пойдёшь?

— А то! — ответил я, стараясь выглядеть как можно более уверенно.

Мы двинулись вчетвером по тропинке, что уходила за околицу, петляла через поле и врезалась в стену леса. Трава стояла по пояс, пахло тысячелистником и мятой, от земли поднимался жар, и над головой висело белёсое от зноя небо. Мы шли неспешно, болтали о всякой ерунде: Пашка рассказывал, как они с отцом на мотоцикле ездили в райцентр, Лёха хвастался, что научился нырять с открытыми глазами, Алиса смеялась, срывала ромашки и плела венок. Идиллия. Я был счастлив. Именно так, как бывают счастливы только в пятнадцать лет, когда весь мир — это солнце, каникулы и друзья, идущие рядом.

— Я знаю одно место, — сказал Лёха, когда мы вошли в лес. — Там малины — завались. Мне батя показывал в прошлом году.

— А далеко? — спросила Алиса.

— Да нет, километра два, не больше.

Два километра в лесу — это не два километра по шоссе. Тропинка быстро сузилась, потом исчезла совсем. Приходилось продираться сквозь кусты, перелезать через поваленные стволы, обходить овраги. Лес становился всё гуще, всё темнее. Кроны сосен смыкались над головой, пропуская только отдельные лучи, которые падали косыми столбами, как в церкви. Пахло хвоей, прелыми листьями и ещё чем-то сладковатым — может, дикой малиной, может, чем-то другим.

— Лёха, мы точно правильно идём? — спросил Пашка.

— Точно. Вон, видите, овраг? Нам туда.

Мы спустились в овраг — сырой, тенистый, с журчащим на дне ручьём — и поднялись на другую сторону. И тут открылась поляна. Небольшая, окружённая со всех сторон высоким малинником. Кусты стояли стеной, усыпанные тёмно-красными ягодами. Я таких крупных никогда не видел.

— Ого! — выдохнула Алиса. — Вот это да!

Мы рассыпались по поляне, собирая ягоды в корзину, в ладони, в рот. Солнце припекало затылок, малина пахла одуряюще сладко, и на какое-то время мы забыли обо всём. Слышно было только довольное урчание Лёхи, который ел больше, чем собирал, да шорох листьев под руками.

Я первый заметил, что шорох не прекращается, хотя мы замерли.

Странный звук. Тихий, равномерный, как будто кто-то шёл через кусты. Медленно. Размеренно. Шорох. Пауза. Шорох. Пауза.

— Эй, — сказал я. — Слышите?

Все замерли. Лёха перестал жевать. Звук продолжался — он доносился из глубины малинника, с той стороны, где кусты были самыми высокими и густыми.

— Зверь? — прошептал Пашка.

— Ага, зверь на двух ногах, — ответил я, сам не зная, почему я так решил.

И тут кусты раздвинулись.

Сначала мы увидели только белое пятно. Оно мерцало в глубине зарослей, то появляясь, то исчезая. А потом оно вышло на свет.

Девушка. Высокая, худая, в длинном белом платье, которое волочилось по земле. Платье было старым, ветхим, с рваным подолом, и на нём темнели пятна — бурые, похожие на засохшую кровь. Длинные чёрные волосы спутаны, свисают неопрятными прядями, закрывают лицо. Но даже сквозь них видно.

На месте глаз — провалы. Чёрные, пустые, как два колодца, ведущие в никуда.

Она стояла метрах в десяти от нас и смотрела. Хотя как она могла смотреть без глаз? Но она смотрела. Мы чувствовали этот взгляд — холодный, тяжёлый, пригвождающий к земле.

Алиса вскрикнула. Этот звук будто разбудил нас.

— Бежим! — заорал Лёха.

Мы рванули. Бросили корзину, бросили всё и побежали обратно в лес, ломая кусты, не разбирая дороги. Ветки хлестали по лицу, ноги путались в траве. Я бежал и слышал, как колотится сердце — гулко, часто, где-то в горле.

Остановились мы только минут через пять, когда лёгкие начало жечь огнём. Пашка согнулся пополам, упершись ладонями в колени, тяжело дышал. Лёха вытирал пот со лба, озираясь по сторонам. Алиса прижимала руки к груди и часто-часто моргала.

— Что это было? — выдавила она. — Вы видели? Видели?

— Видели, — хрипло ответил я. — Все видели.

— Может, показалось? — Лёха всё ещё пытался найти разумное объяснение. — Солнце, духота, перегрелись…

— У неё глаз не было! — перебил Пашка. — Я чётко видел. Пустые дырки. Как… Как у мёртвой.

Мы замолчали. Лес вокруг нас стоял тихий и неподвижный. Слишком тихий. Птицы не пели. Кузнечики не стрекотали. Даже ветер стих. Только наши дыхания — тяжёлые, прерывистые — нарушали эту звенящую тишину.

— Надо идти домой, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Прямо сейчас.

— В какую сторону? — спросила Алиса.

Я открыл рот, чтобы ответить, и закрыл. Огляделся. Лес со всех сторон выглядел одинаково — высокие сосны, густой подлесок, пятна солнечного света на мху. Никаких ориентиров.

— Мы же от оврага бежали? — неуверенно сказал Лёха. — Овраг должен быть где-то там.

Он показал рукой, и мы пошли. Шли минуту, две, пять. Никакого оврага. Лес становился только гуще, темнее, словно мы углублялись в самую его сердцевину.

— Мы не туда идём, — сказал Пашка. — Надо было в другую сторону.

— Так давай в другую, — согласился Лёха.

Мы развернулись и пошли обратно. Но и там не было ни оврага, ни тропинки, ни каких-либо признаков, что здесь ступала нога человека. Зато деревья стали другими. Более старыми, корявыми. На стволах появились наросты, похожие на лица. Из-под корней торчали замшелые валуны. Я никогда не видел этого места, хотя знал здешний лес с детства.

— Мы заблудились, — тихо сказала Алиса.

Никто не ответил, но все понимали — она права.

Солнце между тем начало клониться к закату. Свет стал золотистым, лучи — косыми, длинными. Тени от деревьев вытянулись, как чёрные пальцы, хватающиеся за землю. В лесу быстро темнело.

— Давайте орать, — предложил Лёха. — Может, кто услышит.

Мы закричали. Орали все вчетвером, во всю глотку — «Помогите!», «Мы здесь!», «Ау!». Крик уходил в лес и глох, как в вате. Ни эха, ни отклика. Тишина после крика становилась ещё гуще, ещё плотнее.

И в этой тишине мы снова услышали шорох.

Шорох. Пауза. Шорох.

— Опять, — прошептала Алиса. Губы у неё дрожали.

Мы замерли, вглядываясь в сумерки между деревьями. Солнце село почти полностью, и лес погрузился в синий полумрак. Но даже в этой темноте я разглядел.

Она стояла далеко, метрах в пятидесяти, между двух кривых сосен. Белое платье светилось в сумерках, как гнилушка. Голова чуть наклонена набок, будто она прислушивалась. Или разглядывала нас своими пустыми глазницами.

— Бежим, — скомандовал Пашка.

Мы побежали снова. На этот раз без оглядки. Бежали долго, спотыкаясь, падая, поднимаясь, снова бежали. Ветки рвали одежду, корни хватали за ноги, царапали до крови. Мне казалось, что лес стал живым, что он нарочно путает нас, заводит кругами, чтобы мы никогда не вышли.

А когда мы наконец остановились, задыхаясь, и подняли глаза — она снова стояла впереди. На том же расстоянии. В той же позе. Будто и не двигалась вовсе, будто это мы бежали внутри какого-то замкнутого круга, а она была его центром.

— Она не отпускает, — сказал Лёха. Голос у него сорвался, стал похож на всхлип. — Она нас не отпускает.

Алиса заплакала. Тихо, беззвучно, только плечи вздрагивали. Пашка обнял её за плечи и стоял молча, лицо у него было белое, как бумага.

Ночь наступила быстро. В лесу темнеет резко — вот только что было ещё видно деревья, а через пять минут уже тьма, хоть глаз выколи. Луна ещё не взошла, звёзд не видно за кронами,

и мы остались вчетвером в абсолютной черноте. Только звуки: наше дыхание, шорох где-то вдали и собственное сердце, колотящееся где-то в ушах.

— Давайте не будем больше бегать, — сказал я. — Всё равно не выходит. Давайте сидеть здесь до рассвета. А там видно будет.

Мы сели на землю, прижавшись друг к другу спинами. Земля была холодная, сырая. От неё поднимался запах прели и грибов. Алиса дрожала, мы её грели с двух сторон. Лёха что-то шептал — кажется, молитву, которой научила его бабушка. Пашка молчал, сжимая кулаки.

Шорох то приближался, то удалялся. Иногда мне казалось, что я слышу шаги — тихие, босые шаги по листве. Иногда казалось, что кто-то стоит прямо за спиной и дышит в затылок. Я оборачивался — никого. Только тьма.

Ночь тянулась бесконечно. Я никогда не думал, что время может быть таким долгим. Каждая минута — как час. Каждый звук — как удар. Мы молчали, прижавшись друг к другу, и каждый думал о своём. Я вспоминал бабушку, её слова «не ходи далеко», её крестное знамение мне вслед. Вспоминал солнце, запах малины, улыбку Алисы — какой она была утром, беззаботной и счастливой. Вспоминал и не мог поверить, что это было сегодня. Казалось, прошла вечность.

В какой-то момент я, кажется, всё-таки провалился в сон — короткий, тяжёлый, полный смутных кошмаров. А потом вдруг стало светлеть.

Рассвет. Медленный, серый, неверный. Сначала я увидел верхушки сосен — они проступили из темноты, как из проявителя. Потом проявились стволы, кусты, лица друзей. Мы все были бледные, грязные, искусанные комарами, с тёмными кругами под глазами. Но живые.

И тут мы услышали голоса.

Человеческие голоса. Мужские. Они доносились откуда-то издалека, но с каждой минутой становились ближе.

— Ребята! — закричал Лёха, вскакивая на ноги. — Мы здесь! Мы тут!

— Сюда! — подхватил Пашка. — Мы здесь!

Мы заорали все разом, и на этот раз голоса отозвались.

— Держитесь! — крикнул кто-то. — Идём!

Через десять минут из-за деревьев показались люди. Четверо мужиков в камуфляже, с фонарями и рациями. У одного на плече висела аптечка. Лица у них были суровые, сосредоточенные, но когда они нас увидели, что-то дрогнуло в этих лицах. Облегчение? Удивление?

— Живые, — сказал один. — Слава богу.

Нас вывели из леса. Оказалось, мы были совсем рядом с опушкой. Буквально в трёхстах метрах. Но ночью, в темноте, в этом проклятом круге, мы не могли найти выход.

Уже потом, когда нас осматривал фельдшер, когда мы пили горячий чай, завёрнутые в одеяла, я узнал, что спасателей вызвала моя бабушка. Когда я не вернулся к ужину, она сразу пошла к соседям, подняла тревогу. К ночи приехала поисковая группа из района.

— Вас искали всю ночь, — сказал один из спасателей, немолодой мужчина с уставшими глазами. — Весь лес прочесали. Как сквозь землю провалились.

— Мы не провалились, — тихо сказал я. — Мы там были. Мы… нас…

Я замолчал. Посмотрел на Лёху, на Пашку, на Алису. Они тоже молчали, опустив глаза. И я понял, что никто из нас не расскажет. Не сможет. Слова для этого были слишком мелкими и плоскими, они не вмещали того, что мы пережили.

Спасатель посмотрел на меня долгим взглядом и вдруг спросил:

— Парень, вы её видели?

Вопрос ударил, как ток. Я вздрогнул и уставился на него.

— Кого? — спросил я, хотя уже знал ответ.

Он отвёл глаза. Помолчал. Потом сказал — тихо, так, чтобы слышал только я:

— Мы тоже её видели. Этой ночью. В лесу. Поэтому и не нашли вас до утра.

Он больше ничего не сказал. Поднялся, хлопнул меня по плечу и пошёл к остальным. А я остался сидеть, глядя в одну точку, и чувствовал, как внутри всё холодеет. Они тоже видели. Четверо взрослых мужиков с фонарями и рациями. Видели силуэт в белом платье.Видели провалы вместо глаз. И молчали об этом. Молчали так же, как теперь будем молчать мы.

Потому что некоторые вещи нельзя рассказывать. О некоторых вещах лучше забыть. Хотя забыть, конечно, не получится.

С тех пор прошло много лет. Я давно взрослый человек. Давно не верю в сказки, в призраков, в нечисть. Но каждое лето, когда воздух становится густым и сладким, когда пахнет малиной и хвоей, я просыпаюсь среди ночи от одного и того же звука. Шорох. Пауза. Шорох.

Я знаю — это просто ветер. Просто дом скрипит. Просто память шутит свои злые шутки.

Но свет я больше не выключаю. И в лес не хожу.

И никогда не поеду в ту деревню. Никогда. Даже если очень захочется.

Потому что я помню. И лес помнит. И она — кем бы она ни была — тоже помнит. И, наверное, ждёт.

Ждёт, когда кто-нибудь снова зайдёт слишком далеко.

Б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.